

НОН ФИКШН О ПАПЕ И МАМЕ

Как ни смешно, но в год своей смерти я чувствовал себя преотлично, если вообще в семьдесят восемь еще можно что-то чувствовать. Без проблем переселился из своей трехкомнатной квартиры на Дубининской у Павелецкого вокзала, там под окнами постоянно вечно сновали

похожие на цветные куклы цыганки и пьяные бродяги, до поздней ночи тянулся ручеек людей к перронам вокзала. Переехал после незамысловатого обмена в двухкомнатный кооператив сына на Третью линию у Варшавского шоссе. Другой воздух, да и рынок рядом, где каждый день я баловался огурчиками, петрушкой, укропом и прочей зеленой снедью. Привык и к двенадцатому этажу, я ведь никогда в жизни выше третьего не жил (в столице начинал с Мыльниковского пер. (ул. Жуковского) - полуподвал, переехал после женитьбы на Даев пер., оставив там брата Васю с женой и отца) – 1 этаж), но тут обзор с высоты хорош и опять же свежий воздух. Поразительно, что оттуда как-то свалился сыновний кот, вызвав ужас и смятение в семье. Однако холодный труп на месте не обнаружили, но вдруг из соседнего подъезда что-то визгливо мяукнуло. Оказалось, что с испуга он драпанул подальше, вот они, наши русские коты! Куда до них холеным западнякам! Работы в новой квартире провел. Вывел тараканов, выскоблил площадку перед дверью, трудился три дня по два часа, поразил соседей, ибо такой чистоты никогда в жизни они не видели... Последние годы у Павелецкого только огорчали. После внезапной смерти любимой жены Жени Багорской (воспаление поджелудочной), красавицы, певуньи, актрисы театра советской армии я после сложных разменов и переселился туда вместе с престарелой жениной мамой Юлей, в прошлом певицы, работавшей еще с великим Шаляпиным. Но мама Юля тоже умерла, и я остался один как бы посредине шумного вокзала. Часто вспоминаю Женю, ведь после ранней смерти Милки (случилось это аж в 1946 г. во Львове, тридцать лет прошло) я не женился из принципа: не хотел травмировать Мишку. Женю полюбил всем сердцем, с ней было легко, она тоже прекрасно пела, и мы вдвоем частенько по просьбе гостей тянули на два голоса. Но счастье было, словно по Пушкину, «так близко, так возможно», однако, судьба немилостива, и вновь я один. Единственный сын работал в Дании, пытался меня к себе вывезти хотя бы на несколько месяцев, писал не только своему начальству, но и в ЦК - но фигушки! Даже ему, не хряку свиньячьему, а резиденту КГБ в Дании, дали от ворот поворот, видно, сталинские традиции сильны, боялись, что вдвоем мы деранем на Запад. Хотя такого у меня и в мыслях не было, мне и дома хорошо, а сыну тем более. Короче говоря, одиноко и горько мне было у Павелецкого, и вырвался я оттуда с радостью, словно на курорт уехал. Провел новоселье, пригласив двоих еще не почивших

старых друзей – Петьку (единственный, кто пришел на мои похороны) и Ивана, правда, жива еще пара, но видеть их не хочется. Все-таки старость превращает всех нас в мерзких

типов, словно все самое темное выливается наружу из перезрелой души. Пили “Посольскую”, вспоминали прожитое, и было весело. Квартирные судьбы у всех одинаковы: у генерала Белякова Ивана Семеновича, например, прописалась дочка, она с ним не живет и, наверное, ждет – не дождется, когда он отдаст Богу душу. Сынок мой тоже практичен (я на него не обижаюсь): разве не резонно,

если есть мохнатая рука, поменять мою жэковскую квартиру на комфортабельную в фешенебельном доме на Ленинском проспекте? Ведь моя пропадет сразу же после кончины, а за его, ныне мой кооператив, хоть денежки вернут.

О, как все-таки прагматично нынешнее поколение, как не хватает им идеалистической закалки, которую дали нам революция и гражданская война! Конечно, и мы были не без черных пятен, но всё – же бескорыстие, антибуржуазность, коллективность стояли тогда во главе угла, а сейчас... люди строят персональные дачи, уселись в «Волги», вот и Миша, сын мой любимый и сотрудник разведки, описывает свою житуху в Копенгагене: черный “Мерседес”, мягкая мебель, ковры, супы из акульих плавников, персональный шофер. Только бы помнил, что в какой-то степени всем этим он обязан слесарю и рабфаковцу, вылезшему из глухого Кадома. У сына Миши - Сашеньки вообще уже и замашки другие: совсем недавно выбросил в помойку мусор вместе с пластиковым пакетом. А между прочим, эти пакеты в России редкость, и жены дипломатов привозят их и продают сотнями по хорошей цене...

Никогда не думал, что буду жить так долго, аж до семидесяти восьми, хотя отец умер в девяносто с гаком.

Жизнь была не сахар: чуть не погиб вовремя борьбе с контрреволюцией, причем, от своих. Было дело, приказал расстрелять бандита. Но тут по воле партии и товарища Сталина началась борьба с перегибами, под метлу которой я и попал. Так и записано в моём рассекреченном деле, которое внук Сашка через свои связи достал в ФСБ и скопировал: «В 1925 г. Гомельским судом был приговорен к 4-м годам лишения свободы за самовольный расстрел бандита. В 1926 г. амнистирован постановлением ВЦИК». Можно подумать, что на войне одни могут быть человечными, а другие нет, волей-неволей все превращаются в зверей, желающих уцелеть. Когда посадили в тридцать седьмом (опять же свои, разумеется!), думал, что тут же пустят пулю в затылок. Но пронесло по случаю: решили, что слишком необразован для “троцкиста” (да я в руки его книжонки не брал, лишь жену его видел во время обыска, она все кричала: “Кого обыскиваете?! Это же вождь Октября!”). Выпустили и выгнали из органов, хотя сохранили в резерве и устроили на работу в город Киев инспектором по мерам и весам (в нынешние времена там трудится

целый комитет стандартов, а я был один одинешенек, даже секретарши не было, одним пальцем печатал). После бомбежки немцами Киева партия и правительство тут же забыли о всех моих прегрешениях, восстановили в НКВД и бросили на фронт, в военную контрразведку, в которой прошел до Львова, там назначили меня на высокий пост зам. начальника управления контрразведки «Смерш» по Прикарпатскому военному округу. Во времена Отечественной случались опасные ситуации, особенно при бомбежках, но судьба благоволила: за всю войну ни одного ранения. Зато беспощадна баба с косой к моим близким: Людмила, моя жена, умерла во Львове в 38 лет от разрыва сердца прямо у меня на руках, до этого были гости, выпивали, веселились. О второй жене уже написал. За что же такое наказание? Плата за мою долгую жизнь? Или за то, что работал в органах? Пыточными делами я не занимался, но допросы вел, а на них всякое бывало. Помнится, во Львове пришлось допрашивать одну бандеровку... что только эти гады не выделявали! Даже головы отрезали молочницам, поставлявшим свой товар в город! А потом складывали в бидоны и отправляли в львовский горсовет! Так моя арестантка держалась нахально, плевалась, пришлось легко хряпнуть ее по физиономии. В хрущевские времена вдруг притянули меня за это дело, я, конечно, написал объяснение, указал на обстоятельства, и правильно сделал: ведь и пенсии могли лишить! Тем более, что перед этим расстреляли Абакумова, бывшего начальника «Смерша», а потом министра всей госбезопасности, а ведь я с Виктором Семеновичем одно время, до его возвышения дружил, более того, раскопали мы его с приятелем в нашей санатории в Симеизе. Высокий и статный, приглянулся он нам своей простотой и игрой в теннис, а бабам нравился безумно, с ума по нему ходили. В общем, нормальный парень, по приезду порекомендовал я его к нам в секретно-политический отдел (до этого он прозябал в ГУЛАГЕ) на должность делопроизводителя. Начальству он нравится умел, попал на глаза Берии, пошел вверх. Во время войны иногда я прорывался к нему по делам, однажды он даже устроил мне телефонный разговор с Милкой, которая с сыном эвакуировалась в Ташкент. После войны прямо сказал мне, что на генеральскую должность рассчитывать я не могу: ведь мое дело нужно нести в ЦК, а кто же одобрит бывшего арестанта, пусть хоть миллион раз я невиновен. Книжки во Львов присылал для самообразования не шибко развитого руководства «Смерша»: «Тайная война против Советской России» американцев Сейерса и Кана, «Совершенно секретно» Ральфа Ингерсолла о «втором фронте», мемуары Хилла, Рише и прочие переводные прогрессивные новинки. Любые книжки после войны были в дефиците, но я достал по блату для Мишки своего, книжечка заядлого, полное собрание Алексея Толстого, «Угрюм-реку» и другое Вячеслава Шишкова.

Этот год меня, ветерана партии и войны, не отягощал так занудно, как предыдущий 1977-й юбилейный, когда затаскали меня по торжественным собраниям по поводу 60-летия Великой Октябрьской революции. Обязательно сажали в президиум (не скрою, что было приятно блистать всеми орденами и медалями, накануне начищал их мелом). Несколько раздражали пионеры, которые хватали каждого ветерана под руки, словно немого старца, и волокли к сцене. Смущенный, я пошутил с одной пионеркой, предложив пробежать стометровку, однако, она была непроницаемо серьезна и, наверное, думала, что ей попался старикашка-чудак, любящий валять дурака, тем более, что с возрастом у каждого из нас, стариков, странности прогрессируют не по дням, а по часам: растут

бородавки, превращаясь в огромные висящие отростки (словно фаллосы у гномов), растут усища у некогда прекрасных дам, растут опухоли в кишках, бешено растут самомнение и осознание своего собственного неповторимого вклада в историю, растут обидчивость, нетерпимость, раздражительность, не растет лишь (ха-ха! сострил!)... Впрочем, хорошо, что осталась еще способность потянуть, как говорят со слов сына англичашки, за ногу (pull one's leg), то-бишь, пошутить. Иногда листаю сыновни книги и стихи (раньше из стихов ничего, кроме Пушкина и Лермонтова, не читал), на днях наткнулся на некоего Томаса Стернза Элиота, пишут, что эстета и классика этого века:

Тебе надоест

Рожденье, и совокупленье, и смерть.

Жизнь такова, если в трех словах:

Рожденье, и совокупленье, и смерть.

Ничего себе мерси, сказал бы кто-нибудь такое у нас в органах, тут же дали бы по заднице! Словно бы в подтверждение своих мыслей, нашел в книге листочек с сыновней выпиской откуда-то (одно время он обожал цитировать мудрые мысли и после прочтения книги обязательно заносил все, что считал нужным, в тетрадку, правда, глупостей понаписано там изрядно). «Прочитав Вашу статью, я убедился, что Вы гад и мракобес, за 300 рублей гонорару готовы стать Торквемадой с большой дороги против интеллигенции, потратившей десятилетия своей жизни на писание диссертаций». Не по делу, конечно, но в самую точку. Почему-то я сомневаюсь, что сей Элиот нюхал смерть, так и оказалось: ни в первой, ни во второй мировых войнах не участвовал, ну а наш 37-й и не только вряд ли мог представить. Иногда перелистываю свои письма сыну с фронта и в глазах встают фронтовые картинки. Пафоса у меня хватало, пишу, словно в газету: “Дорогой сынок! Посылаю тебе боевой, фронтовой, пламенный привет! Будь уверен, что папка твой не подкачает. Пока он жив, здоров, пока у него бьется сердце, пока он видит и руки его работают, пока есть патроны в автомате и пистолете—он будет разить проклятую фашистскую гадину, которая разлучила тебя со своим папкой!”

Ну чем не передовица “Правды?”

Смерть похаживала рядом, но судьба была милостива. Однажды задержался в дороге, а место, куда я ехал, полностью разбомбили немцы—ничего не осталось! Однажды взорвалась мощная бомба, которую мои люди пытались обезвредить, я должен был находиться недалеко, но опоздал, а все, кто там был поубивало.

Послужной списочек недурен, но не он впечатляет: в конце концов, самому умереть не самое страшное, если, конечно, мгновенно, а не в диких муках. Ужасно наблюдать смерть близких, а тут судьба была ко мне немилосердна: первая жена умерла внезапно, прямо у меня на руках. В доме гудели гости, одета она была в красивое черное платье с кружевами на груди, все мы фотографировались и вдруг... Схватило сердце, сначала думали, что это приступ астмы, которой она заболела во время войны.

Скорая помощь, столпотворение белых халатов, суета, воющий лай нашего терьера. Сына я тут же запер в соседнюю комнату –зачем ему все это?

Умерла почти мгновенно, и это в тридцать восемь лет, в расцвете сил и красоты! Я совсем потерял голову, ночью достал пистолет, ничего не понимал, дурак, чуть было не ухнул в висок, но вспомнил о сыне. Горжусь, но ради него не женился, не хотел травмировать мальчишку чужим человеком. Только через много лет, когда он уже сам стал мужем, позволил я себе брачные узы. И на редкость счастливой оказалась женитьба! Женечка, мой новая жена, служила актрисой и в молодости была писаной красавицей, за которой ударяло пол-Москвы. И сейчас в свои пятьдесят, несмотря на то, что раздалась, она обращала на себя внимание. И пела великолепно и, когда на два голоса мы затягивали в гостях модную тогда, окуджавскую “Пока Земля еще вертится...”, все аплодировали и просили на “бис”. И вдруг через несколько лет приступ поджелудочной и снова скорая помощь. Сгорела в два дня, царство ей небесное, мать ее, древняя старуха пережила ее на несколько лет, тоже пела отлично (однажды в молодости выступала с самим Шаляпиным!) Разве такое приснится Т.С. Элиоту? Только безответственные пачкуны могут столько скудно и богомерзко определять жизнь, которой они, богатеи, между прочим, пользуются во всю ивановскую, заделывают детей собственным горничным, глушат спиртное в подвалах (недавно видел фильм, где король купался в чане с вином), развлекаются на скачках, гоняются на лошадях за лисицами и стреляют в них на ходу, а потом берут в руки перо и начинают философствовать на кофейной гуще...тьфу!

А вообще все происходит случайно, мгновенно и неожиданно (как поет Леня Утесов, “Любовь негаданно нагрывает, когда ее совсем не ждешь”), помнится в прошлом году сын хвастался, как вышел со своим приятелем на лед озера где-то под Копенгагеном и вдруг тот провалился под лед. Сынок умен, не бросился к проруби с протянутой рукой, а увидел, к счастью, сломанное дерево, упавшее на лед, пошел к нему и тоже провалился, правда, достал ногами дна. Мало—помалу начал продвигать дерево к утопающему, который уже от холода посинел, наконец, тот вцепился в дерево так, что кровь пошла из-под ногтей, и допыхтел до берега... Сын хохотал, рассказывая, как, дрожа от холода, они добежали до своего “мерседеса” и там выпили две бутылки виски, а я думал, что вот так и происходит самое страшное.

Вообще странно живут они там в Копенгагене. Квартира, как пишет сын, превосходная, мягкая мебель, ковры, у дома черный “Мерседес” и в то же время просят высылать с оказией югославскую ветчину в банках и замороженные сосиски, которые я складываю в портативную сумку—холодильник. Недавно удалось даже достать два коровьих языка, подарив продавщице пачку жвачки.Чудеса в решете! Слава Богу, что рыбу там ловят (аж по сорок штук трески за раз!), бросают в морозилку и питаются, как бедные рыбаки. Идиоты-датчане, оказывается, не едят белых и прочих лесных грибов (признают только шампиньоны), и это тоже источник пропитания для всей советской колонии в Копенгагене. Я бы на их месте мариновал бы их и отправлял в Москву для реализации—еще одно средство существования.

Зато в лесу рядом с дачей (точнее террасой), которую я снимаю на лето, никаких грибов, лишь иногда мелькнет сыроежка. Зато лесок красив, иду я по нему и обнимаю березки—некоторым из них я дал имена—они, наверное, чувствуют это, но не могут высказать. Начал

я вырезать карлика-старца из коряги, торчащей из-под земли, веселый получается дядя, в назидание туристам, уродующим лес и всюду разбрасывающим консервные банки и бутылки.

Вообще народ стал хуже, раньше такого не было, и это касается не только отношения к природе. Даже врачи берут взятки, как мой Новоконев, у которого лечу аденому. Каждый

раз на прием приношу ему присланные из Дании жвачку и “бики” (выдаю по десять пластинок и по два “бика” за раз), он так радуется, что тут же звонит жене и сообщает ей о подарках.

Боже, когда кончится у нас дефицит? Даже на “Неделю” не могу подписаться! Как вспомню изобилие во времена НЭПа, то аж слюнки текут! Впрочем, и до войны в магазинах кое-что было, но как началась заваруха, так все и исчезло. Помнится, в Киеве уже 23-25 июня 1941-го года остались на прилавках лишь крабы и шампанское, а потом и это смели. Вообще народ у нас консервативен, но если

привыкнет к чему, то уже не отлипнет. Так произошло и с крабами, и с мороженой треской, и с миногами, и с кальмарами... Слава Богу, я не великий поклонник деликатесов и почитаю только любительскую колбасу (хотя доктор и не рекомендует), покупаю ежедневно свеженькую по двести граммов, продавщица уже знает и аккуратненько нарезает, еще уважаю антрекоты в магазине кулинарии (хотя, конечно, лучше один большой кусок мяса, но где достать?), их я отвариваю: и бульончик что надо, и диета выдержана.

Сын иногда привозит из своей Дании то улитки в консервированной банке с раковинами в приложении (потом он их туда засовывает, замазывает укропным маслом и тушит), то анчоусы, слишком для меня острые, то разные диковинные сыры (а я даже наш рокфор не терплю), воняющие хуже грязных носков, то семгу, именуемую gravad lax, которая ничуть не лучше той. что в пятидесятые еще продавалась в Елисеевском, то густую сладковатую датскую водку “аквавит”, напоминающую нашу анисовую.

Совсем недавно выпили мы эти капли датского короля вместе со старым моим боевым товарищем и нужно сказать с гордостью, что не опьянели.

Как мало у меня осталось друзей, видимо, потому, что я долгожитель и задержался на этом свете! Да и не только поэтому: вот с полковником Судковым жили мы на фронте душа в душу, да и после войны контактов не теряли. Но лишь стоило ему стать маршалом, как словно человека подменили: я пишу ему поздравление с праздником Великой Октябрьской Социалистической революции, пишу как старому другу, а в ответ получаю депешу, а в ней огромная цветная открытка и текст, словно поздравляет меня генсек, живи, мол, и трудись на благо нашей социалистической родины и тому подобное, видимо, Судков внес меня в какой-то список и подмахивает открытки, подготовленные адъютантом (или факсимиле ставит). А ведь прошли вместе через всю войну, жили одно время в одной деревенской избушке, куда приносила нам письма рыжая девчонка из ППС. За которой

Судков начал ухлестывать. Морозы тогда стояли жуткие, но одет я был тепло: валенки, двое теплых чулок (одни из них меховые—унтята), шапка-ушанка, теплое белье, меховая безрукавка (самурайка), длинный полушубок, кожаные перчатки, а под ними шерстяные, теплые стеганые штаны...

Пожалуй, легче всего мне с актером Саше Дольским и,наверное, потому, что он оперный певец и в Москве не живет, а останавливается у меня проездом из Самары. Дружим мы уже лет тридцать, еще со Львова, раньше, бывало, всегда приглашали дам—он по этой части мастак и его поклонницы к тому же еще и полезны в материальном плане: притаскивают ему домой пирожки и индюшки, некоторые, особо влюбленные, поселяются у него дома и живут, убирают там, готовят и прочее, пока не выгонит. Так и живет он всю жизнь, не регистрируясь, плодит детей, которым не платит, и в ус не дует. Но талантище! Как он пел Отелло в куйбышевском оперном, зашелся в темпераменте, покатился по ступеням и ударился о них горлом—вышел из строя на целый год.

Какие разные все-таки на свете люди! Вот мой брат Вася, которого я со всей семьей и с отцом перетащил в Москву в Мыльников пер. всегда жил тихо, не зарывался и думать не смел изменить своей жене. Порядочный скромный человек, а всю жизнь трудился слесарем, жил в полуподвале,

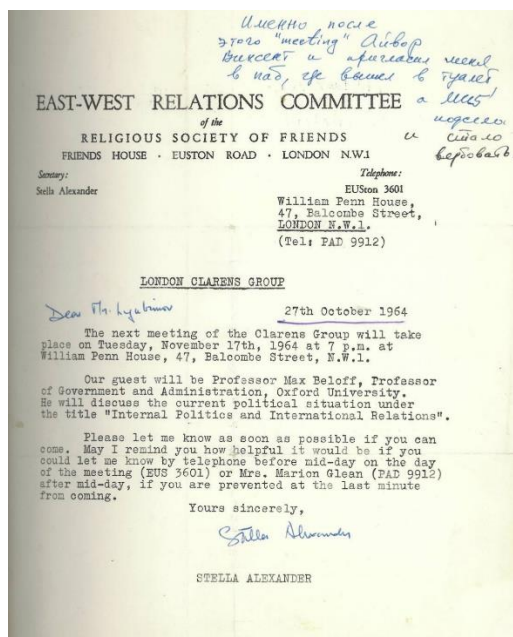
бедности своей не стыдился, но зато как широко принимал у себя на Пасху. Мы с ним пели в хоре, еще когда учились в церковно-приходской школе, все это не ушло, сохранилось. На столах куличи и крашеные яйца, жареные куры, икорка (жена работала в буфете), салаты и, конечно, белая из холодильника, бокальчики вмиг запотевали. Эх, как пели! Даже сына в это дело втянули, голос у него ломкий, а нам с Ваней нужен был третий, желательно бас или баритон, - так что приспособили сына и ему даже понравилось, особенно, "Вечерний звон". Кстати, удивительно мне смотреть на нынешнюю молодежь: выпьют, нажгутся и давай друг перед другом руками размахивать! А у нас был ритуал, трапезничали не ради трапезы, а ради пения, ради живого общения голосами—ведь оно глубже и точнее, чем любая болтовня, это как бы соприкосновение душами.

Когда-то вычитал в "Крокодиле" и запомнил: "Знал, что душа не существует, но все-таки она у него болела." А мне кажется, что душа совершенно отделена от тела и живет своей жизнью, вечной и неразгаданной. И, когда мы засыпаем, выходит из нас и забавляется на воле—отсюда странные сны, посещающие нас. Интересно, как там обстоит дело на небе? Наверное, ни рай, ни ад не похожи на их описание людьми: черт знает, что наворочено Иеремией Босхом (книгу с его картинами я случайно обнаружил на сыновних полках), там у него престранные типы, бородатые морды на куриных лапах или раздутые, словно пузыри, птицы с дудочками в клюве, а у Данте, которого, как ни смешно, я перелистывал на рабфаке, ад разделен на круги, где проживают разного вида грешники, эдакие поселки,

населенные лицемерами или чревоугодниками. А мне кажется, в загробной жизни наши души бесплотны и летают по космосу, с завистью наблюдая за жизнью на нашей планете. Иногда им хочется дать умный совет близким, тогда они спускаются с небес и являются нам во сне или иным косвенным образом намекают на желательность тех или иных действий, а иногда даже забираются к нам в головы и нашептывают сны, стараясь сделать их как можно бессмысленнее и бессвязнее, чтобы мы не догадались и не открыли тайну.

Где-то я недавно вычитал, что лет через пятьдесят наука сможет воскрешать людей. Вот ужас-то! Тут же возникнет спор: кого в первую очередь? Самых богатых, самых талантливых, самых честных? А ведь такими считает себя большая часть человечества. Тут же начнется война людей за право воскресить своих родственников или покровителей, начнется тайное воскрешение, и вот на свет появляются все жертвы холокоста и погибшие эсэсовцы во главе с небезызвестным Эйхманом, которого недавно выкрали и казнили израильтяне. Забыты все уроки войн, оплеваны все мирные договоры, все хитроумные компромиссы—стенка на стенку, кровавая каша, мир летит на воздух, ибо бывшие трупы не понимают, что такое ядерное оружие и пользуются им, как в свое время мечом... Не начать ли мне писать фантастические романы? Конечно, я лучше знаю работу чекистов, но кто позволит сказать правду—ведь в книгах все мы такие добренькие, справедливые, морально устойчивые! Многие действительно были такими и погибли в мясорубке за дело рабочего класса, во всяком случае раньше я так считал, до двадцатого съезда нашей партии. Странное у меня чувство после него: с одной стороны Сталина я никогда не любил, хотя, конечно, помалкивал и аплодировал вместе со всеми(до сих пор у меня вырезка из “Известий”, где я сижу на “съезде победителей” в 1934-м, тогда еще не седой, красивый, тридцати четырех летний , читатели, наверное, думали. что делегат-пролетарий, а мы, чекисты, были на съезд командированы на всякий случай и для создания особой приподнятости), допрашивал я многих, даже знаменитого профессора Рамзина, изобретателя особого парового котла, правда, основное следствие вел другой, опытный большевик, а я у него был вроде подмастерья. Но не пытали мы и не били, как у Хрущева в докладе, хотя все это тщательно скрывалось и, видимо, стало практикой к 1937-му. Однажды открыл я дверь у приятеля Саши Магидина,— был он постарше меня и в чинах— а он лупцует начальника московской милиции, привязанного к креслу. С другой стороны, много лишнего навинчено насчет Сталина. Конечно, тиран (а таких в истории было полно, но как-то об этом забыли), конечно, убийца в самом высоком смысле этого слова, но не дурак ведь, водивший пальцем по глобусу! И все же войну выиграли, хотя и загубили миллионы!

Сколько мы поломали копий с сыном из-за Сталина! Миша в споре нетерпим и чуть ли не меня лично делал ответственным за все преступления, а ведь в юности относился к Сталину с благоговением, читал со школьной сцены “ мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе...” Исаковского и даже по-украински (ведь изучал эту чертову мову во Львове!) “Людина стоїть в зореноснім Кремлі, людина у сірій військовій шинелі” Павла Тичіны.

Взгляды у Миши не самые правоверные, хотя и член партии, и на ответственной работе в разведке. Слишком свободно высказывается, в свое время за это давно бы угодил в кутузку. Впрочем, наверное, я не совсем прав: старшее поколение никогда не понимает младшее, это еще Тургенев подметил в “Отцах и детях”. А внук совсем от меня отдалился (а ведь одно время вместе ходили на каток!), звонит редко и всегда ему от меня что-нибудь нужно: вот недавно попросил предоставить ему квартиру для собрания класса (представляю, как напились бы и все закурили!), совершенно очевидно, что все другие родители отказали, а он выбрал меня, дурака! На

мои вопросы (прямо скажем, неоригинальные) отвечает грубо вроде “ну эту школу к черту, надоело учиться!” недавно я дал ему деньги на фотографию (мать пожалела), недоволен отцовскими подарками, кроме жвачки: мол, струны к его гитаре нужны нейлоновые, а не металлические, которые продаются в Москве, зря прислал дурацкие статуэтки, лучше бы лишнюю майку с картинкой купил (эти майки с картинками носят у нас все стилиги). Миша рассказывал, что на каникулах в Копенгагене Саша сам купил себе майку с рекламой американского виски—вот стыд! сын советника—борца с американским империализмом славит янки, хотя и не прямо. Отец отчитал его, заставил снять, хотя разрешил в этом барахле спать, а он от злости на следующий день напился с приятелем на приеме в торгпредстве, прибыл бледный, долго блевал и отец выгуливал беднягу по пешеходной улочке, именуемой Строгет. Мне кажется, из него вышел бы хороший хозяйственник, нужно ему после школы определиться на какой-нибудь экономический факультет.

Уж это поколение я никогда не пойму, да и понимать не хочу. Зажрались они! Заграница, “Мерседесы”, университеты... Вот мы с Васькой бегали в длинных рубахах, босоногие и без трусов (где их взять?), жрали все, что попало, нос не воротили, семья была большая, кроме нас, еще старшие брат и сестра. Брата Яшу на фронте убило в Первую империалистическую, сестра умерла от тифа, а мы с детства привыкли работать и выжили.

Что бы со мной было, если бы в 1918-м я не поступил в ЧК? Представить не могу, наверное, пошел бы по церковной части, не зря ведь пел дискантом в хоре. Но собой горжусь: все же и сам в люди вымахал, и в Москву перебрался, и брата с отцом (мать уже умерла) не только в столицу перевез, но и устроил на жительство в своей полуподвальной квартире, из которой потом очень ловко переселился в Даев переулок, что на Сретенке. Там меня и арестовали в 1937 году как врага народа, а ведь был я помощником начальника 12 отделения 4 отдела ГУГБ, старшим лейтенантом госбезопасности, что приравнивалось в армии к майору. Внук Сашка молодец: добыл в федеральной службе безопасности (ФСБ) мое рассекреченное дело, в котором видно все говно, из которого оно слеплено. Некая провинциалка, мой коллега Саввина, которую затащили мои приятели из ГУГБ на вечеринку на моей квартире в Даевом переулке, написала мне на службу что «во время пребывания в Москве на квартире оперативного работника СПО НКВД Любимова она познакомилась с

неким Рудини Петром Борисовичем, который в разговорах с Саввиной проявил себя как троцкист». Упомянула, что на вечеринке «присутствовали уполномоченный ИНО (Иностраннный отдел) Соболев Р.Р. и оперативный работник Особого отдела Ревзин и другие». Никто этого разговора не слышал. «Насколько я припоминаю сейчас, о разговоре с Рудини я поделилась на следующий же день с кем-то из присутствующих товарищей, вероятнее всего, с хозяином квартиры Любимовым, который, выразив недоумение, спросил, что представляет собой Рудини». (из заявления Саввиной от 13.08.1936 г.). Нужно сказать, что от меня потребовали написать объяснение, что я и сделал, ибо Рудини не знал, и его привел сотрудник ИНО Грозовский А.В., приятель Рудини. О разговоре с этим типом Саввина мне не сообщала. Итак, этот донос пошел по начальству и заглох. Но вскоре начались аресты группы «правых» среди них оказался Нестор Голубенко, инженер по специальности и директор завода, которого я хорошо знал. Опять мне пришлось в декабре 1936 г. писать рапорт (цитирую дело) «на имя начальника 4-го отдела ГУГБ тов. Курского о том, что он, Любимов, знает лично Голубенко, ибо Болтянская (его жена) является троюродной сестрой жены Любимова». Вот какая заваруха! Даже в справке НКВД записано: «В этом же рапорте Любимов указывает, что он изредка встречался с Голубенко в семейной обстановке и что во время имевших место встреч Голубенко в его присутствии никаких разговоров политического характера не вел и никаких антисоветских высказываний или настроений с его стороны он – Любимов не замечал». Тем не менее, меня арестовали уже в феврале 1937 года и начали следствие, не забыли притянуть «сигнал» о Рудини. Допросили в качестве свидетелей мою знакомую Соболев, самого Голубенко, участника его группы Самойлова, которые показали, «что в присутствии этого сотрудника НКВД никаких антисоветских разговоров не велось». Такие, брат, дела. А я сидел на Лубянке в одиночке, пока ко мне не подсадили известного писателя Александра Воронского с надеждой, что передо мной он расколется. Вскоре этот старый большевик отправил начальнику тюрьмы записку: «Уберите от меня этого дурака!». Между прочим, я особо не старался подвигнуть этого интеллигента на откровения, совершенно не обиделся и частенько со смехом рассказывал об этом Мишке. В общем, ничего на меня не наскребли, хотя в то время пускали в расход без всяких причин. Выпустили, выгнали из органов, но помогли направить в Киев уполномоченным по мерам и весам измерительных приборов, все-таки я в партии с 1918 года, не чужой человек. Мой коллега Виктор Ильин, потом генерал, сам отсидевший девять лет на Лубянке, позже рассказывал, что во время дежурства показал мое дело шефу отдела и сказал: «Ну какой Любимов троцкист! Он же малообразованный, лишь рабфак за плечами». Начальник дал отмашку, хотя это версия самого моего друга Виктора. Тут уж моя Милка намаялась, только успели меня посадить, как по суду(!) добрые соседи по дому начали претендовать на квартиру «арестанта». Выставить Милку с младенцем Мишкой к чертовой матери! И это не тиран Сталин или НКВД, а наш любимый народ, пишут, целых 2 миллиона доносов в годы репрессий накатал... Бедная моя Милочка 23 апреля 1937 года пишет объяснительное письмо коллеге и другу моему Ильину, оно тоже в деле. «В ноябре 1931 года я приехала в Москву и поселилась временно у Голубенко, т.к. его жена Татьяна была моей троюродной сестрой. С момента моего пребывания у них с Голубенко у меня создались недружелюбные отношения, и вскоре он в вежливой форме намекнул о моем переселении, я

воспользовалась приглашением Кащенко (живущей тоже в соседней квартире) и перешла к ней». Понятно, что жена как бы отгораживается от Голубенко, и правильно делала, я тоже в рапортах, хотя и не чернил его, но и приязни особой не высказывал. Милка жила у Голубенко два месяца, тогда мы с ней и познакомились, и поженились. «У меня сохранились дружеские отношения с Татьяной Голубенко и неприязненное отношение к ее мужу, ибо этот человек ужасный деспот, хам, самовлюбленный, в общем, неприятный тип. За пять лет нашего супружества Любимов видел Голубенко считанные разы – пять раз, не больше, я постараюсь их перечислить. Когда мы перебрались в Даев переулок в 1932 г. и чета Голубенко пришла поздравить с новосельем, у нас был народ, пели, играли... В 1936 году Татьяна как-то зашла ко мне, у меня были знакомые, был и Петр дома. Спустя некоторое время позвонил Голубенко, сказал, что заедет за женой. Приехал на машине и, не раздеваясь, сказал, что спешит, и они сразу уехали». Милка еще перечисляет пару случаев, старается меня выгородить, утверждает, что у неё со мной бывали скандалы из-за общения с четой Голубенко. «Дело в том, что Любимов избегал не только общества Голубенко, но и общества других моих знакомых, т.к. всегда больше предпочитал свою среду. Я тоже, понятно, имела своих знакомых потому, что Любимов работал дни и ночи, а я была предоставлена самой себе». Верно пишет Милка, не забыла о нашем скандале, когда я запретил ей встречаться с женой Голубенко после его ареста. Она возражала, жена – то тут причем? Но я настаивал, требовал вплоть до развода!

Она обещала, но разок навестила троюродную сестру после операции, нарушила слово. Но как Милка заступается за меня, из кожи вон лезет! «За эти три месяца я многое поняла, я научилась тому, чему меня всегда тщетно учил Любимов. Меня невыносимо мучит совесть, что из-за моего каприза и прихоти и страдает Любимов, мне больно, что этот безукоризненно честный человек морально погибает или из-за какого-то недоразумения или из-за клеветы».